

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» (КОНЕЦ 1919 — НАЧАЛО 1921 ГГ.)

SOCIO-ECONOMIC SITUATION THE INDIGENOUS POPULATION OF GORNY ALTAI UNDER THE CONDITIONS OF «WAR COMMUNISM» (LATE 1919 — EARLY 1921)

M. Katashev

Summary. The article is devoted to the consideration of economic processes among the indigenous population of Gorny Altai — the Altaians — during implementation of the policy of «war communism». Given the achievements of historiography, and based on unpublished archival sources, shows policy of the requisition of food surplus in Gorny Altai, its influence on the economic processes in the national village. Particular attention is paid to the state of livestock, which was a basic element in the structure of the economy of the altai ethnoses. The conclusion is made on the reduction of livestock in national farms due to forced seizures, livestock deaths, termination of turnover with rural areas that produce grain.

Keywords: «war communism», requisition of food surplus, forced labor service, livestock condition, animal husbandry.

Катасhev Максим Степанович

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова» (Горно-Алтайск)
kms_37@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению экономических процессов в среде коренного населения Горного Алтая — алтайцев — во время осуществления политики «военного коммунизма». С учетом достижений историографии, и на основе неопубликованных архивных источников, показана политика продразверстки в Горном Алтае, ее влияние на хозяйственные процессы в национальном селе. Особое внимание уделено состоянию животноводства, которое являлось базовым элементом в структуре хозяйства алтайцев. Сделан вывод о сокращении поголовья скота в национальных хозяйствах вследствие принудительных изъятий, падежа скота, прекращения товарооборота с земледельческими волостями.

Ключевые слова: «военный коммунизм», продразверстка, трудовая повинность, животноводство.

Изучение исторического опыта хозяйственной политики советского государства в первые годы своего существования невозможно без учета ее региональных особенностей. Для более полного понимания хода, результатов и последствий социально-экономических мероприятий большевиков во время «военного коммунизма» особую важность представляет изучение указанных процессов в национальных районах Сибири, к числу которых относится и Горный Алтай. В рассматриваемый период этот регион отличался от остального территориального массива Юго-Западной Сибири природно-географическими, климатическими, этнодемографическими и хозяйственными условиями. Коренное население Горного Алтая — алтайцы — занимались большей частью животноводством, значительная часть из них вела кочевой и полукочевой образ жизни. Изучение социально-экономических процессов во время «военного коммунизма» в национальном селе позволит, на наш взгляд, выявить, как применение чрезвычайных мер повлияло на традиционную систему хозяйствования коренного населения, и охарактеризовать последствия проводимой государством политики.

Указанная тема уже в советское время получила достаточно подробное рассмотрение в отечественной историографии. Ее актуальность обосновывалась необходимостью идеологического обоснования, во-первых — эффективности проводимой большевиками национальной политики, во-вторых — успехов советской власти в деле вовлечения коренных народов Сибири в социалистическое строительство во время «военного коммунизма».

Начало целенаправленного научного изучения алтайцев учреждениями Академии наук СССР связано с именами Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, С. А. Токарева [15; 23; 25; 27]. Опираясь на результаты своих полевых исследований, ученые-этнографы дали подробный анализ основных элементов системы хозяйственно-культурного комплекса алтайцев. В послевоенный период Л. П. Потапов издал монографию, которая стала итогом исследовательской работы ученого по истории и этнографии алтайцев в предыдущие двадцать с лишним лет. Отдельные разделы посвящены историческому развитию алтайцев в советский период. Показаны особенно-

сти трансформации традиционного быта и системы хозяйства кочевого и полукочевого населения в условиях социалистического строительства [24].

Большой вклад в изучение аграрной истории Сибири в период с 1917 по 1937 гг. внесли сибирские историки. Итогом их многолетнего труда стала коллективная монография под редакторством Н.Я. Гущина «Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг.». Главы о социально-экономических процессах в национальном селе в указанный период написали Б.Б. Батуев и Г.Л. Санжиев [21]. На материалах Горного Алтая развитие национального села в 1920–1930-е гг. подробно рассматривалась в работах В.А. Демидова, А.А. Болдуева [2; 13; 14]. Авторы большое внимание уделили анализу социально-экономических процессов в алтайской деревне в условиях «военного коммунизма».

Несомненным достоинством работ исследователей советского периода является опора на широкий круг источников разной видовой принадлежности, благодаря чему удалось в целом восстановить картину социально-экономических и общественно-политических процессов в национальной деревне Горного Алтая в короткий период с конца 1919 по середину 1921 гг. В целом труды, посвященные социально-экономическому развитию национального села, придерживались официально принятой схемы. Переход кочевых народов к социализму объявлялся исторически закономерным процессом, в соответствии с ленинской теорией некапиталистического пути отсталых стран к социализму. Издержки политики «военного коммунизма» в селе зачастую назывались вынужденной и оправданной мерой.

В конце 1980-х — 2000-е гг. исследование обозначенных вопросов продолжилось. Предметом исследования продолжали оставаться социально-экономическое развитие и этнополитическое развитие национальных районов и Горного Алтая в условиях советской трансформаций 1920–1930-х гг. Предоставление доступа к ранее засекреченным документам привело к переоценке устоявшихся подходов, благодаря чему многие проблемы получили новое звучание [16; 17; 19; 26]. Итогом изысканий горно-алтайских историков стал том второй «Истории Горного Алтая», в котором авторским коллективом подробно представлены социально-экономические процессы в аграрной сфере [20].

Важное методологическое значение имеют исследования М.В. Белозеровой. Автором дан анализ государственной политики в национальных районах Южной Сибири, выявлена региональная специфика землепользования, процессов кооперирования хозяйств [1].

Таким образом, благодаря работам вышеназванных исследователей, в научный оборот введен обширный фактологический материал, подробно рассмотрены многие аспекты рассматриваемой темы, а именно: становление органов системы управления; осуществление мероприятий по продрозверстке на местах; деятельность органов государственной власти — ревкомов и их взаимоотношения с крестьянством.

Вместе с тем, в историографии указанной темы остается ряд проблем, которые пока не получили научного рассмотрения в полной мере. К ним, по нашему мнению, следует в первую очередь отнести: состояние структуры традиционного хозяйственного комплекса алтайцев и, в первую очередь — животноводческой отрасли; изменения уровня жизни; последствия осуществления хозяйственных мероприятий советской власти во время «военного коммунизма» в сферах труда и распределения.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть осуществление политики «военного коммунизма» в Горном Алтае с точки зрения ее влияния на развитие хозяйства коренного населения. Для достижения цели статьи автором поставлены задачи проанализировать состояние животноводства — ведущей отрасли в традиционной системе хозяйствования и охарактеризовать его порайонные различия; рассмотреть изменения в уровне жизни населения; показать ситуацию с товароснабжением населения.

Горный Алтай находится на юге Западной Сибири, на западе он граничит с Казахстаном, на севере — с территориями современных Алтайского края, Кемеровской области и Республики Хакасия, на востоке — с Республикой Тува, юге — Монголии и Китая.

В начале 1920-х гг. территория Горного Алтая, по природно-климатическим особенностям, условно делилась на четыре зоны: 1. Горно-таежная, расположенная в пределах северо-восточной части региона — Лебедской и Успенский районы (аймаки); 2. Зона смешанно-хвойных лесов — Майминский, Шебалинский и Чемальский районы (центр и северо-запад Горного Алтая); 3. Горно-степная — Онгудайский, Уймонский и Усть-Канский районы (центральная, западная и юго-западная части); 4. Высокогорно-полупустынная, находящаяся на в юго-восточной части региона — Кош-Агачский и Улаганский районы.

В первой зоне, ввиду ее таежного характера, земледелие и скотоводство не получили широкого развития, в хозяйственной деятельности населения большое значение имели лесные промыслы. Молочное скотоводство

получило заметное развитие лишь в хозяйствах русского населения Успенского района.

Вторая зона была благоприятной для земледелия и скотоводства, оседлое население здесь занималось богарным земледелием, скотоводством молочного направления, а полукочевое население — отгонно-пастбищным скотоводством.

Третья зона отличалась высоким уровнем развития коневодства, овцеводства, мясо-молочного скотоводства, а также земледелия, которое было распространено в хозяйствах русских крестьян.

В четвертой зоне, с крайне суровым климатом, население занималось почти исключительно отгонным животноводством. Очагом земледелия здесь были бывшие монастырские земли в устье реки Чулышман.

Зоны имели также четко выраженные особенности, связанные с этническим составом населения. Сошлемся на данные Н.В. Екеева: по национальному составу населения в первой и второй зонах преобладали русские (69%), а алтайцы составляли немногим более 21%. В третьей зоне доминировало уже алтайское, преимущественно полукочевое население — около 56%, а русские составляли около 43% (и проживали они преимущественно в Уймонском районе — *М.К.*). Четвертая зона была представлена большей частью полукочевым алтайским и казахским населением (соответственно 69,2 и 24%). Основная масса населения была сосредоточена в центральной части региона — во второй и третьей зонах (33,6 и 32,4%), около 25% — в первой и лишь 9,4% — в четвертой зоне [17, с. 16, 17]. Коренное население — алтайцы — проживали, большей частью, на территории современных Онгудайского, Усть-Канского, Улаганского, Кош-Агачского, а также Шебалинского районов.

С завершением боевых действий в Горном Алтае, сельское хозяйство региона находилось в тяжелом положении. Дальнейшее аграрное развитие национальной деревни происходило в сложной политической и социально-экономической обстановке. За годы мировой и гражданской войн экономика национальных районов, особенно их ведущая отрасль — животноводство — оказалась серьезно подорвана.

Постоянные реквизиции домашних животных как со стороны партизан, так и со стороны белых отрядов, а также эпизоотии и падеж скота привели к резкому сокращению его поголовья. За годы гражданской войны животноводство Горного Алтая оказалось серьезно отброшенным назад. Резко сократилось поголовье крупного рогатого скота, овец и коз и в особенности, лошадей. Вместе с тем, поголовье свиней в эти годы напротив,

увеличилось. Наиболее пострадавшими от гражданской войны оказались территории, на которых велись интенсивные боевые действия партизанских отрядов против колчаковцев и места дислокации белых отрядов: территории современных Шебалинского, Усть-Канского, Улаганского, Кош-Агачского районов.

При этом указанные местности, где преобладало коренное население, вышли из гражданской войны с более тяжелыми потерями. Так, например, численность КРС за 1916–1920 гг. сократилась в Горном Алтае почти в 1,4 раза, тогда как по Усть-Канскому — в 1,6 раза, по Онгудайскому — примерно в 1,7 раза, по Шебалинскому — в 1,8 раза, по Улаганскому — в 1,6 раза, а по Кош-Агачскому сокращение поголовья скота носило обвальное характер — в 5,5 раз. Примерно такие же показатели отмечены в указанных районах по поголовью овец. Особенно большой урон понесли хозяйства населения от уменьшения числа лошадей вследствие реквизиций и бескормицы. Если в целом по Горному Алтаю количество лошадей сократилось в 1,6 раз, при этом в национальных районах — от более чем 2 раза — в Шебалинском, до — более чем в 6,5 раз — в Кош-Агачском.

Между тем районы, где интенсивные боевые действия не велись — в Чойском, Турачакском — поголовье скота сократилось незначительно, а в районах, где располагались тыловые базы противоборствующих сторон — Майминском и Усть-Коксинском — поголовье скота, напротив, увеличилось [8, л. 1, 19, 25, 31, 50]. Данное обстоятельство можно связать с относительно стабильной в данном случае военно-политической обстановкой, способностью гражданских властей — как со стороны партизан, так и со стороны колчаковцев — контролировать ситуацию.

Таким образом, после окончания гражданской войны районы Горного Алтая с преобладанием коренного населения оказались в более тяжелом экономическом положении.

Переход к мирной жизни в обстановке «военного коммунизма» совершался в условиях максимальной централизации и милитаризации управления хозяйством, широком применении чрезвычайных методов в отношении крестьянства. Рыночные рычаги регулирования экономики были устранены и заменены повсеместным применением административно-репрессивных методов. Как известно, после восстановления советской власти на большей части территории Горного Алтая в конце 1919 г., ее основными мероприятиями являлись: введение принудительной разверстки на зерно и скот, а также на другие продукты животноводства; осуществление всеобщей трудовой повинности; запрет свободной торговли.

Начало продразверстке в Сибири было положено постановлением Совнаркома «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» от 20 июля 1920 г. [22, с. 240–243] Реквизициям подвергались «излишки» сельскохозяйственного производства для нужд армии и населения городов.

В условиях сокращения поголовья скота, выполнение мясной разверстки алтайским населением наталкивалось на серьезные трудности, о чем Алтайская губернская Рабоче-крестьянская инспекция информировала власти губернии. В соответствии с инструкциями по разверстке на скот, на население возлагалась обязанность сдавать скот взрослых возрастов, необходимый для воспроизводства стада. ощущалась нехватка хлеба, что вынуждало зажиточные хозяйства забивать скот для обмена на хлеб. Массовый забой скота стал формой протеста крестьян, вызванный нежеланием крестьян отдавать свой скот государству [3, л. 1].

Позже в продовольственную разверстку были включены, помимо зерновых продуктов, большая часть ассортимента продуктов животноводства. В октябре-ноябре 1920 г., в разгар выполнения разверстки на мелкий скот, были введены разверстки на домашнюю птицу, шерсть, кожсырье и другие сельскохозяйственные продукты [20, с. 115, 116]. Объектом реквизиций стали также кожи, шерсть, овчины, теплые вещи [3, л. 3; 5, л. 18]. Особое недовольство крестьян высокогорных районов вызывали разверстки на сено [7, л. 3].

Кроме того, на крестьян налагались дополнительные обязательства — предписывалось проводить самообложение, которое должно было производиться путем определения волостных потребностей на содержание местных учреждений и заведений Губздрава, губернского отдела народного образования и отдела управления — с процентным начислением на нужды уездного исполкома. Решением президиума Алтайского губисполкома от 11 февраля 1922 г. объектом обложения являлся надел крестьянина, а для скотоводческих хозяйств — скот [6, л. 21].

Неверное представление центра о хлебных запасах на Алтае и, вследствие этого, завышенная цифра разверстки (12927000 пудов) создали в губернии кризисную ситуацию. Тяжелее всего пришлось именно населению Горного Алтая, большинство которого занималось животноводством и охотой. Чтобы выполнить продразверстку, многим скотоводческим хозяйствам приходилось отдавать весь свой урожай, а некоторым семьям для полной уплаты хлебной разверстки приходилось продавать свой скот [18, с. 155].

На территории Горного Алтая боевые действия продолжались вплоть до весны 1920 г. Обеспечение армей-

ских частей в местах их дислокации продуктами питания и фуражом нередко возлагалось на местное население.

После вытеснения остатков колчаковских войск в Монголию, на территории Юго-восточной части Горного Алтая остались регулярные части Красной армии. На население улаганских и чуйских (кош-агачских) волостей возлагалась задача обеспечения воинских частей продуктовым снабжением. Однако указанные территории, где проживало кочевое население, были в наибольшей степени разорены гражданской войной. Снабжение войск стало обременительной обузой для населения. Население обязывалось в добровольно-принудительном порядке продавать скот армейским частям, однако сдавать скот, пусть даже за определенную плату, желающих не было. Улаганский волревком был вынужден перейти к реквизициям [9, л. 48об]. Стремясь избежать поборы, часть населения откочевывала в Монголию.

В целом, несмотря на заявленный классовый принцип продразверстки, ее тяжесть легла на широкие слои крестьянства.

Одним из главных составляющих элементов политики «военного коммунизма» являлось принудительное привлечение населения к труду. В условиях Горного Алтая трудовая повинность включала разные виды: гужевая повинность; дорожная повинность (работа по ремонту дорог); заготовка дров. За уклонение от повинностей следовало административное наказание с привлечением к трудовым работам на несколько месяцев. Обвиняемые в злостном трудовом дезертирстве зачастую привлекались к суду ревтрибунала и заключению в концлагеря. Широкое распространение получила подводно-гужевая повинность, которая распределялась на каждую волость и селение, и контролировалась на местах, через органы уездного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности [20, с. 116]. В связи с растущей потребностью в военных и продовольственных перевозках, гужевая повинность становилась для крестьян тяжелым бременем. В скотоводческих хозяйствах, где потребность в рабочих руках ощущалась наиболее остро, отвлечение населения к трудовым повинностям вызывало особое недовольство и многочисленные жалобы в органы власти [7, л. 3].

Из-за разрушенной в стране промышленности товарообмен между городом и деревней оказался прерванным, поскольку государству нечего было предложить крестьянам в обмен на хлеб и продукты продовольствия. Запрет на свободу торговли еще более усугубил положение со снабжением. В Горном Алтае отсутствовало денежное обращение, прекратился привычный товарообмен между скотоводческими и земледельческими волостями. В юго-восточной части Горного Алтая остро

ощущалась нехватка хлеба, что вынуждало зажиточные скотоводческие хозяйства забивать скот для обмена на хлеб [3, л. 1].

Не лучше обстояла ситуация в волостях, где земледелие играло не менее важную роль, как и животноводство. В алтайских селениях Шебалинской волости поголовье скота уменьшилось в течение «мирного» 1920 года — по лошадям всех возрастов — с 3350 до 2868 голов, или в 1,5 раза, а по КРС всех возрастов — с 4300 до 3194 голов, или в 1,4 раза [11, л. 4].

Ситуацию усугубляло распространение эпизоотий, которые фиксировались в широких масштабах уже в 1920 году. Однако эффективно бороться с эпизоотиями и падежом скота на местах не было возможности по причине нехватки ветеринарных кадров, отсутствия медикаментов. Меры сводились к изоляции больного скота и карантинам, но по причине неорганизованности и указанные меры не проводились повсеместно [10, л. 37, 38; 12, л. 1, 3]. Кроме того, в ряду серьезных угроз животноводству называлось резкое увеличение поголовья волков и их участвовавшие нападения на домашний скот. Эпизоотии, разгул хищников вели к потерям в скотоводстве. По данным Ойротского Обкома ВКП(б), в 1920 г. погибло 24000 голов всех видов скота [4, л. 150].

Продразверстка, постоянное отвлечение населения на принудительные работы, и другие меры «военного коммунизма», а также высокий падеж скота привели к обеднению скотоводческих хозяйств в регионе. Перепись 1920 г. зафиксировала в Горном Алтае увеличение доли хозяйств без рабочего скота — на 80% и бескоронных хозяйств — на 40%. В особенно тяжелом положении оказалось алтайское кочевое и полукочевое население. Примерно седьмая часть всех хозяйств без скота пришлось на скотоводческие центрального и юго-восточного районов Горного Алтая. К таким районам относились волости, расположенные в центральной и юго-восточной частях Горного Алтая [20, с. 147].

Весной 1921 г. Алтайская губернская РКК вынуждена была признать тяжелое положение в животноводстве. Причинами снижения поголовья скота назывались: не-

докорм, массовый забой, неправильное проведение мясной разверстки, после которой в отдельных хозяйствах от 15 дойных коров у хозяина оставалось 3–5 [3, л. 1об].

Распространенной формой протеста крестьян, вызванный нежеланием крестьян отдавать свой скот государству, стал забой домашних животных [5, л. 18]. В особенно тяжелом положении оказалось алтайское население. Реакцией на обострение экономического положения стал отказ выполнять продразверсточные задания, сопротивление продорганам и откочевки за пределы Горного Алтая в Монголию.

Таким образом, хозяйственные мероприятия в хозяйственной сфере в Горном Алтае осуществлялись в русле партийной политики «военного коммунизма». В Горном Алтае, как и во всей стране, она проявилась в запрещении свободной торговли, введении разверсточной системы заготовок продуктов, оформлении всеобщей трудовой повинности и т.д., что вызывало всеобщее недовольство в крестьянской среде. При этом процесс становления в Горном Алтае органов власти военно-хозяйственной диктатуры во многом определялся природными, хозяйственными, национальными, культурными особенностями региона.

В целях продовольственного снабжения населения промышленных центров, советская власть путем продразверстки проводила изъятия внутренних ресурсов крестьянских и полукочевых и кочевых хозяйств, которые к этому времени находились и без того в истощенном состоянии. Принудительные изъятия скота и продуктов скотоводства, зачастую не оставляя возможности для экономического развития. Сокращение поголовья всех видов скота произошло в результате комплекса неблагоприятных факторов: реквизиции скота со стороны обеих противоборствующих сторон; падеж скота из-за бескормицы и эпизоотий; увеличение поголовья хищников в условиях сокращения рабочих рук.

Перечисленные факторы вели к дальнейшему снижению экономических возможностей кочевых и полукочевых хозяйств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири: 1920-е гг. — начало XXI в.: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д. ист. наук: Томск, 2008. 56 с.
2. Болдуев А. А. Первая продналоговая кампания в Горном Алтае. // Вопросы истории Горного Алтая. Барнаул: Горно-Алт. отд.-иеАлт. кн. изд.-ва, 1978. С. 19–23.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ГААК. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 113.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 406.
5. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 234.

6. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883.
7. Государственный архив социально-политической документации (ГАСПД РА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 178.
8. ГАСПД РА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 52.
9. ГАСПД РА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАСПД РА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАСПД РА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАСПД РА. Ф. 633. Оп. 1. Д. 1.
13. Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск: «Наука», Сиб. отд.-ие, 1970. 224 с.
14. Демидов В. А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул: Алт. кн. изд.-во, 1968. 103 с.
15. Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С.247–259.
16. Екеев М. Н. Социально-экономическое развитие Горного Алтая в конце XIX — первой трети XX вв. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. ист. наук. Абакан, 2007. 23 с.
17. Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд.-ва, 1988. 208 с.
18. Иванова Н. Ю. Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921–1922 гг.: основные тенденции и события // Алтай — Россия: через века в будущее. Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 155–157.
19. Иванцова Н. Ф. Роль Каракорум-Алтайской управы в решении вопроса государственно-национального строительства и аграрных преобразованиях в Горном Алтае в начале 1918 г. // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Тезисы к науч.-практ. конф. «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав российского государства и современность» /Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1996. С. 109–110.
20. История Горного Алтая. В трех томах. Том второй. 1900–1945 гг./ Под ред. Н. М. Екеевой, Н. Ф. Иванцовой. Бийск: Типография Бийского государственного педагогического института, 2000. 223 с.
21. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
22. Об изъятии хлебных излишков в Сибири: Постановление Совнаркома РСФСР от 20. 07. 1920 // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1978. Т. 9. С. 240–243.
23. Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск: Краевое изд-во, 1933. 202 с.
24. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая; Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 444 с.
25. Потапов Л. П. Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской Автономной Области; Акад. наук СССР. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 48 с.
26. Русанов В. В. Некоторые аспекты «красного бандитизма» в Горном Алтае (1920–1922 гг.) // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке. Матер. очно-заочной межрегион. науч. конф. Горно-Алтайск, апрель-октябрь 2002 года. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002. С. 20–24.
27. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.-Л.: Соцгиз, 1936. 153 с.

© Каташев Максим Степанович (kms_37@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Горно-Алтайск